

6. Almanakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniy Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk. — M.: Socio-Logos.- 1996;
7. Blier M.B. Doklad «Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Astrakhanskoj oblasti v 1999 godu». – Astrakhan.:GUP «Izdatelsko-poligraficheskiy kompleks «Volga» Administratsii Astrakhanskoj oblasti.-2000;
8. Gandeev A., Ryzhenkov S. Astrakhanskaya oblast v oktyabre 1994 goda // Politicheskiy monitoring. — M.: IGPI.- 1994.— №10;
9. Gandeev A., Ryzhenkov S. Astrakhanskaya oblast v iyule 1998 goda // Politicheskiy monitoring.— M.: IGPI.- 1998.— №7;
10. Gandeev A. "Puls Aksarayska" protiv A.Guzhvina: slushanie dela otkladyvaetsya // «Komsomolets Kaspiya».- 1994.- № 43;
11. Kovtunov A. Za sentyabr v oblasti hospitalizirovano 123 bolnykh difteriei // «Komsomolets Kaspiya».-1994.-№43;
12. Markina S.S., Maksimova N. M. Zabolevaemost difteriei v Rossii v 1993 godu // ZNiSO. - 1994.- № 11 (20);
13. Otkrytoe pismo glave administratsii oblasti gospodinu Guzhvinu. «Puls Aksa-rayska». - 1994 goda.- №21 (21);
14. Chto takoe nepodleglost? // «Puls Aksarayska».- 1994.- №32 (32);
15. Ne nado peredergivat fakty, gospoda! «Puls Aksarayska».- 1995.- №5(55);
16. Zayavlenie glavy administratsii Astrakhanskoj oblasti A.P.Guzhvina. «Gorozhanin».- 1994.- №2 (182);
17. Yevropeyskaya nedelya immunizatsii. [Elektronnyy resurs].- Rezhim dostupa: <http://www.astrobl.ru/news/71190> .- Zagl. s ekrana.

**СКАЖИ, ЧТО ТЫ ЕШЬ, И Я СКАЖУ, КТО ТЫ.
АЛИМЕНТАРНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ С ЧУЖИМ⁴⁸**

Якушенкова Олеся Сергеевна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: jestershadow@mail.ru

Данная статья посвящена алиментарной культуре Чужого. Авторы полагают, что восприятие Чужого происходит через ряд четко обусловленных параметров, один из которых – алиментарная культура. Вглядываясь в Чужого, мы пытаемся типологизировать его, понять, через призму того, что он ест, и тем самым принять или отвергнуть его. С одной стороны, мы боимся его пищевых пристрастий, а с другой стороны, нас постоянно интересует, что он ест. Не можем ли мы есть то же самое? Мы патологически боимся его конкуренции, того, что он съест наши запасы, и в то же время нам легче принять его, если его пищевые пристрастия приближены к нашим. Будучи практически абсолютной метафорой, еда помогает нам классифицировать Чужого, дать ему четкое определение, приблизить или отдалить его от нашей культуры, и в конечном итоге, возможно, найти диалог с ним, расширив наши алиментарные возможности. Именно это объясняет, почему вдруг еда Чужого становится «трендом» и требует от нас приобщения. Это позволяет на символическом уровне принять Чужого, сделав его своим. Мы готовы с подозрением относиться к американцам, но охотно поедаем американские гамбургеры. Мы не всегда способны выстроить диалог с японцами и китайцами, однако устремляемся в суши бары и китайские рестораны. Многие народы называют французов лягушатниками, и признают за французской кухней некоторое превосходство. Все это позволяет сделать вывод о важности алиментарных маркеров в выстраивании диалога с чужим.

Ключевые слова: чужой, другой, еда, алиментарная культура, культурный диалог, этнофолизмы, пищевая метафора, фронтир, гетеротопия

---

⁴⁸ *Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронтаира»*

**TELL ME WHAT YOU EAT AND I TELL YOU WHO YOU ARE:
ALIMENTAL CULTURAL DIALOGUE WITH THE STRANGER**

Yakushenkova Olesya S., Post-graduate student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: jestershadow@mail.ru

This article is devoted to the alimentary culture of the Other. The authors suggest that the perception of the Alien passes through a set of clearly-determined parameters, one of which is alimentary culture. Looking at someone unknown, we are trying to analyze him and understand him through the prism of what he eats, and thereby accept him or decline. On the one hand we are afraid of his eating habits, and at the same time we are always interested in what he eats. Can't we eat the same food? We pathologically afraid of the fact, that he is able to eat our reserves, and at the same time it is easier for us to accept him, if his eating habits are close to ours. Being practically an absolute metaphor, the food helps us to classify the Stranger, to give him a clear definition, and ultimately, perhaps, find a dialog with him, while showing interest in what he eats. This explains why suddenly a foreign cuisine becomes the «trend», and a part of our mass culture. This allows us to understand the Other, making him «the same as we are». We are ready to be suspicious of the Americans, but willingly eat American burgers. We are not always able to establish dialogue with the Japanese and the Chinese, however, we rush in sushi bars and Chinese restaurants. All this allows us to come to a conclusion about the importance of nutritional markers in developed of the dialogue with the Stranger.

Keywords: Alien, Other, food, Alimental culture, cultural dialog, cultural encounter, food metaphor, frontier, heterotopia

Еда – одна из основных категорий человеческого существования, основа «пирамиды» человеческих потребностей. Познание мира у детей весьма активно проходит через «пробу» предмета на вкус.

В связи с этим, совершенно логично, что «Своих» и «Чужих» мы выделяем в соответствии с их вкусовыми предпочтениями.

Колумбийский антрополог Х. Рейчел-Долматофф обнаружил у индейцев десана, живущих в Амазонской сельве, сложную систему классификации Чужих. По их мнению, каждый народ источает специфический запах, связанный с их родом занятий, и, как следствие с рационом. Запах этот наследуется, и все потомки рождаются с этим определенным запахом. Все племенные группы десана классифицировали по своему *omaseriri*. *Omaseriri* – еда, которой пахнет человек. По их мнению, «не сами люди пахнут таким образом, а еда пахнет так через них» [14, с. 58]. Из такого деления следует, что два племени, ведущие аналогичный образ жизни, будут иметь схожие запахи: рыбаки пахнуть рыбой, земледельцы – зеленью и т.д. Такая же система была и для обозначения представителей фауны, которые делились так же на «правильных», т.е. питавшихся пищей, которая признавалась хорошей, и «неправильных» – аналогично, придерживавшихся рациона, неприятного для десана. По мнению колумбийского антрополога, подобная система позволяла десана ориентироваться в пространстве, путешествовать, а так же выстраивать отношения с представителями других племен.

Идея о метафорическом наследовании качеств «пищи» прослеживается у многих народов. Так, Гай Юлий Солин, описывая некоторые «варварские» народы, особое внимание уделяет их пищевым пристрастиям: «Эти люди питаются мясом змей и, не обладая речью, скорее шипят, чем разговаривают» [10, с. 207]. Аналогичная система существовала и у китайцев, которые иероглифически обозначали принадлежность иных народов к звериному царству – чаще всего у них встречались волки и, опять-таки, змеи. К примеру, народность Ди обозначалась через ключ «собака», «Франция» записывалась через иероглиф «волк» (*falangxi*), который был в последствии заменен на нейтральный, но схожий по звучанию вариант «орхидея», а народность

Мань записывалась через ключ «черви, насекомые, змеи», что передавало идею о родстве того или иного народа и животных.

В каждом языке существуют слова, показывающие различия в «кулинарных» пристрастиях, этнофолизмы, позволяющие предупредить тех или иных носителей этого языка о странном алиментарном поведении Чужих. Его пища выступает своеобразным критерием «близости» или «отдаленности» от нас, причем рацион «Чужих» весьма широк [8, с. 43]. Он может быть «лягушатником» (т.е. французы), бульбашем (белорусом, этим. От бульбы - картофеля), макаронником (итальянцем), урюк (выходец из Средней Азии), собачатником (корейцы), рис (китайцы), чебурек (Северный Кавказ, Средняя Азия или крымские татары), гамбургер (американец) и т.д. Аналогичные этнофолизмы присутствуют и в английском языке: *pork-and-beans* (португальцы, досл. «бобы и свинина»), *beaner* (мексиканец, от англ. бобы) и т.д. Все эти «обозначения» призваны передать дистанцию между «своими», культурными и разбирающимися в еде, и «Чужими», невнимательными и неразборчивыми. Нас пугает многое – и тот, который ест «всякую гадость», и тот, который может съесть нашу еду. Мало того, что Чужой ест лягушек и саранчу – это вполне объяснимо, ведь он совершенно не такой как мы, однако если он захочет закусить еще и нашими «булочками» – это приведет нас в ужас. Человек, поедающий ту пищу, которую мы есть не будем – комичный персонаж. Его алиментарные предпочтения становятся объектом шуток, в то время как Чужой-панфаг – это открытая угроза нашему существованию. Панфаг, или человек поедающий все подряд, это уже не только извращенные вкусовые пристрастия, но и опасность для нашей жизни, и его уже не встретишь со смехом или иронией.

Чужой, воспринимаемый и как панфаг (т.е. поедающий все подряд), опасен для наших запасов. Средневековое воображение рисовало максимально поедающего Чужого. У таких существ нет пищевода, голосовых связок и других органов. Пища сразу попадает в желудок, тем самым создавая образ существа, чья основная функция – потребление продуктов. Тот же самый механизм мы встречаем и в описаниях жителей Сибири: одно из сибирских племен прячет рты, расположенные на темени, под шляпами, а чтобы поесть – прячет еду под головной убор, и чтобы прожевать ее шевелит плечами [13, с. 3], другие же, хотя в высоту как люди, однако голов у них нет, а рты меж плечей. Глаза у них в груди и едят они сырую оленину, в процессе поедания одевая оленин головы себе на плечи [13, с. 5]. Говорить, как правило, такие существа, по мнению авторов описания, не умеют, и основное внимание акцентируется именно на механизме и процессе поедания пищи.

Неразборчивость Чужого в еде зачастую подчеркивается его желанием поедать даже сырые продукты. Для многих народов умение готовить пищу на огне является едва ли не самым главным показателем «культурности». Леви-Стросс в томе «Сырое и приготовленное» приводит мифы разных народов, рассказывающие о появлении огня. Изначально огонь был у ягуаров(или обезьян), но путем махинаций некий трикстер похищает его и передает людям секрет добывания огня. Очевидно, что огонь и пища, на нем приготовленная, ставшие теперь отличительной особенностью людей и выделившие их из общего «звериного» ареала играют чрезвычайно важную роль в структурировании мира. Рассматривая алиментарную дихотомию в культуре примитивных народов Амазонки Леви-Стросс приходит к выводу о тесной связи концепции приготовления на огне и культуры [4]. Приведенные им мифы о похищении огня четко демонстрируют нам основной мотив этих сюжетов. Первоначально именно звери были культурными, потому что могли готовить, но похищение огня трикстером делает людей носителями культуры, а животным уготовлена участь остаться в темноте и поедать сырую пищу. Учитывая существование схожих мифов и у многих других народов, подобный концепт можно считать культурной универсалией. И хотя многие народы все еще предпочитают сырую пищу, вместе с тем их мировоззрение не лишено этого концепта.

История китайского фронта демонстрирует очень яркий пример стратификации Чужих по их алиментарным предпочтениям. Древние китайцы делили всех «варваров» на сырых и приготовленных, т.е. культурных и некультурных. Сырые варвары – несъедобные, а также питающиеся несъедобной пищей, – это народы, наиболее удаленные от центра китайской империи, а так же и наиболее отличные по своим пристрастиям от китайской алиментарной культуры. «Приготовленные» же варвары – это народы, прошедшие определенный этап ассимиляции, активно платящие дань, торгующие, а так же придерживающиеся традиций китайской кулинарии, т.е. жарящие и варящие пищу так же, как китайцы. Негативное отношение к потребляющим пищу сырым, как мы уже говорили, черта не только китайцев. Подобные описания можно встретить и у Тацита [12], и у Гая Юлия Солина [10].

Дихотомия образа Чужого выстраивается также и из способа добывания пищи. Слово «паганос», обозначавшее изначально жителя деревни, а затем скотовода, со временем становится ругательством. В китайском же языке негативную коннотацию приобретает слово «рыбак» (laolao), применяющееся в основном к населению Южного Китая, промышленяющего добычей рыбы. Интересно, в материковой части Китая существует еще одно ругательство – «земледелец» (nongmin), которое в Гонконге не несет никакой негативной окраски. В КНР же существует еще одно ругательство, связанное с родом деятельности – Tubaozi (деревенщина, простофиля, человек, который не видел Мира). Записываемое через иероглиф земля, оно указывает на «земледельческие» корни.

Хозяйственный уклад этноса определяет рацион. Типичным ответом представителя кочевого народа является «я не питаюсь травой», т.к. трава – это то, что ест скот, а поедание мяса ставит его на более высокую ступень пищевой цепочки. В то же время народы, отдающие предпочтение земледелию, будут уделять мясу меньше внимания в своем рационе. Очевидно, что две эти противоборствующие концепции будут рождать и негативное отношение кочевников к земледельцам и наоборот, ведь, исходя из пищевой цепочки, представитель иного хозяйственного уклада будет иерархически восприниматься ниже, чем соплеменники или представители иных племен, придерживающиеся схожего рациона.

Подобное деление очень хорошо согласуется и подтверждается примером десана, о котором мы говорили выше. Но если у них это всего лишь алиментарная специфика для характеристики населения других территорий при отсутствии ярковыраженного неприятия, то в случае с античной традицией и китайскими примерами мы видим совершенно иную ситуацию, при которой алиментарные характеристики превращаются в этнофолизмы. Однако, даже их наличие свидетельствует лишь о том, что подобный подход все-таки отводит место Чужому в разряде людей. Это такие же люди, но только со странными, порой неприемлемыми с нашей точки зрения пищевыми предпочтениями. Это почти «свои», но только иные, другие, не очень похожие на нас.

Чем дальше находится Чужой от фокуса этноцентристской модели мира, тем меньше он напоминает человека. Помещение его на уровне животного мира сказывается буквально на всех сторонах его модуса вивенди и в том числе и на его пищевых пристрастиях. Но мало объявить его панфагом – отдаленный Чужой, находящийся на крайних пределах мира из панфага превращается в антропофага.

Упоминания о каннибалах встречаются в изобилии в древнем эпосе. Это и лестригоны, и циклопы и тд. В случае с лестригонами, кровожадным народом людоедов, мы наблюдаем очень интересную ситуацию – они одновременно и людоеды, и «хлебобоядны» [2, с.529] (однако полей спутники Одиссея так и не увидели), и скотоводы. Они своего рода универсальные панфаги, готовые съесть не только Одиссея и его спутников, но и все съестное, что те с собой привезли. Полифем – еще один людоед, с которым пришлось столкнуться Одиссею, так же является скотоводом, что замечательно иллюстрирует тезис о негативном отношении к скотоводческим племенам.

В индийском эпосе тоже встречаются весьма яркие описания каннибалов и людоедов. В «Махабхарате» это ракшас Хидимба [5, с. 393] – чудовищное существо, питающееся че-

ловеческим мясом, Бака – людоед и ракшас, убитый Бхимасеной, описывается как яростное существо, способное выдирать деревья с корнями [5, с. 402], и многие другие.

Людоеды встречаются и у Г.Ю. Солина: «Далее идут антропофаги, ужасной пищей которых служит человеческое мясо. Этот нечестивый обычай - причина унылой пустынности прилегающих к этому племени земель: соседние племена покинули их» [10, с.204]. И если в случае с этим племенем поедание себе подобных есть вынужденная мера, вызванная отсутствием какого-либо иного пропитания, то далее мы читаем о народах, которые питаются людьми вовсе не из-за неимения альтернативы: «К антропофагам азиатской части причисляют эсседонов, которые даже среди своих слынут оскверненными употреблением чудовищной пищи» [10, с. 204]. Автор подчеркивает, что этот тип антропофагов пугает даже схожих по пристрастиям людоедов. Чем же они различаются между собой? Далее мы читаем, что именно эсседоны готовы есть даже представителей своего племени, и более того – даже своих родителей: «В обычае у эсседонов сопровождать погребение родителей пением, а потом, создав близких, зубами растерзать труп и, смешав с мясом скота, его пожрать» [10, с. 204]. Приравнивание тел родственников к мясу животных воспринимается автором куда хуже, нежели вынужденная необходимость питаться себеподобными у предыдущего племени. Эсседоны нарушают своеобразное табу, становятся автофагами, поедателями собственного племени. Однако, если эсседоны не убивали преднамеренно для еды, то некоторые народы, населяющие Индию, по мнению Солина, именно этим и занимались: «Есть и такие, кто как бы в жертву приносят своих родителей и родичей прежде, чем они отошлют от возраста или болезни, а убив, поедают их мясо. И это считается у них не злодейством, а проявлением благочестия» [10, с. 209].

Схожие описания алиментарных пристрастий «Чужих» мы встречаем еще в одном источнике, но на этот раз имеющем отношение к совершенно иным народам. Гарсиласо де ла Вега – автор знаменитого труда «История государства инков», потомок испанского завоевателя и индейской принцессы, он унаследовал традиции двух культур. Он знал и испанский и местные языки. Он прекрасно разбирался в традициях и культурах местных народов, но был и образованным человеком с точки зрения европейской культуры. Не смотря на то, что испанцы покорили страну его предков, и своей книгой он пытался показать величие инков, однако, в своих подходах в описании других племен и народов он часто уподоблялся типичной для испанцев риторике в размышлениях о покоренных народах. Именно поэтому описание не инкских народов изобилует негативными характеристиками, в то время как сами инки предстают перед нами как цивилизаторы, носители высокой культуры. На самом деле, Гарсиласо ничего не изобретал в этом подходе, он всего лишь выразил типичную для инкского государства риторику, согласно которой, именно инки – высокоразвитый и культурный народ, а все остальные народы периферии Тауантинсуйо – дикари. В то же время, так как археологически прошлое инков туманно, инкам пришлось привязать свое происхождение с помощью мифа к такому культурному центру, как Тиуанако, к которому инки на самом деле не имели никакого отношения. Книга Гарсиласо и его описания представляют собой типичный пример восприятия Чужого из периферийной части государства – он одевается как дикарь, он питается как дикарь, он не знает традиций семьи, он содомит и тд. и тп. Автор подробно описывает человеческие жертвоприношения с последующим поеданием мяса жертвы: «Способом принесения в жертву мужчин и женщин, юношей и детей было вскрытие им, живым, грудной клеткой и извлечение сердца вместе с легкими; их кровью, пока она не остыла, орошали идола, который приказывал совершить такое жертвоприношение, а затем их предсказатели глядели в те самые легкие и сердце, чтобы увидеть, было или не было принято жертвоприношение; и было оно принято или нет, они в знак подношения идолу сжигали дотла сердце и легкие, а индейца, принесенного в жертву, съедали с огромным удовольствием и вкусом».

Убийство во время войны или принесение в жертву пленных вряд ли можно считать чрезвычайной ситуацией, и это вполне вписывается в модель поведения не только «Чужих», но и «Своих», однако у Гарсиласо мы встречаем и такое упоминание: «Они уже не удовлетворялись принесением в жертву пленных врагов, а [приносили в жертву] своих собственных детей ради тех или других нужд» [1, с. 34], т. е. автор особо подчеркивает своеобразную автофагию, что уже значительно отличается от поедания пленных врагов. Там же мы встречаем упоминания об актах каннибализма, не связанных с ритуальной подоплекой: «У них были публичные мясные лавки человеческого мяса: из кишок они делали морсильи [кровяные колбасы] и лонганисы [сосиски], набивая их мясом, чтобы они не пропадали». Человек в таком случае приравнивается к скоту, животному, которое можно убить, если тебе нужно его мясо. Более того, мы читаем, что вовсе не всегда жертву убивали – иногда его съедали живьем: «Во многих провинциях они так любили человеческое мясо и считали его таким лакомством, что еще до того, как умирал индеец, которого они убивали, они пили из нанесенных ему ран кровь и делали то же самое, когда разрезали его на куски, высасывая кровь, собирая ее в ладони, чтобы не потерять ни одной капли» [1, с. 37]. Мы находим упоминания подобного факта в нескольких местах книги, и создается впечатление, что автор намеренно приводит все эти жуткие подробности, чтобы создать у читателя самое отрицательное представление об этих народах. Все это, как нам кажется, понадобилось автору, чтобы подчеркнуть нечеловечный облик Чужого. Он, с одной стороны, снижает семантическую значимость Чужого, а с другой, повышает цивилизационную роль Инков, которые призваны были, по мнению автора, окультурить эти народы. Поедание жертвы живьем особо подчеркивается автором: «Если он благородный человек, то тогда собираются вместе все самые знатные [индейцы] со своими женами и детьми, и, словно посланцы дьявола, они обнажают его и живым привязывают к столбу, и каменными кинжалами и ножами разрезают его на куски, не расчлняя его, а срезая мясо с тех мест, где его больше всего: с икр, ляжек, и ягодиц, и мясистой части рук, орошая себя кровью; мужчины, женщины и дети с большой поспешностью все вместе съедают мясо, не давая ему возможности хорошо свариться, ни прожариться, и даже не жуя, а глотая его кусками, в результате чего несчастный страдалец видит, как его живого поедают другие [люди], хороня его самого в своих утробах. Женщины (более, жестокие, чем мужчины) смазывают соски своих грудей кровью несчастного, чтобы их младенцы сосали бы и пили ее вместе с молоком» [1, с. 34]. Живая еда – это, своего рода апогей идеи «Чужой ест сырое». Чужой из отдаленных уголков Инкской империи (Тауантинсуйо) предстает перед нами в описании Гарсиласо голодным, ненасытным хищником. Он не просто оказывается любителем сырой пищи, он поедает себе подобных, притом пожирает их живьем, не прожевывая, а заглатывая кусками и пьет их кровь. Что может быть омерзительнее и ужаснее? Естественно, все это автоматически дает право Инкам на покорение описываемых народов.

Ксенофагия не воспринимается столь отвратительно, как автофагия. Поедание членов собственного племени, более того, собственных детей, лишает племя смысла существования. При таком раскладе не очень понятно, как же существует такое племя? Кто в нем остается? Исчезает весь смысл человеческой общности, социума, ведь каждый готов пожрать своего родителя или ребенка. Это уже не люди, более того, и не животные. Это некое хаотичное образование, опустившееся в иерархии так низко, что его можно покорять не задумываясь.

Интересно, что идея поедания младенцев Чужими народами никуда не делась и в наше время. Последние пять лет в российском интернете активно обсуждается новость о том, что в КНР существует некое элитное блюдо, доступное только особо важным VIP-клиентам, и готовится оно из эмбрионов или, в некоторых случаях, мяса новорожденных младенцев [3, 7]. Особо любопытным зрителям предлагаются даже фотографии. Несмотря на то, что параллельно с самой новостью, на разных ресурсах

публиковались и опровержения [9, 11], существует множество сайтов, до сих пор предлагающих подробное описание «супа из младенцев».

Миф о подобном блюде появился благодаря перфомансу китайского художника, во время которого он якобы готовил суп из эмбрионов. Схожий сюжет о расследовании блюда из младенцев можно встретить и в книге лауреата нобелевской премии Мо Яня «Страна вина» [6]. Миф о ужасных китайцах, готовых есть собственных детей, активно транслируется в российском интернете, вызывая волны негодования, и в то же время, работая на необходимость самоидентификации. Стремительно экономически развивающееся китайское общество пугает соседей. Будучи при этом весьма отличными в своих алиментарных пристрастиях и умеющие готовить то, что другие народы есть не будут, китайцы воспринимаются как панфаги, даже без супа с младенцами.

Однако, если посмотреть на популярность восточной кухни в нашей стране, то можно заметить некое несоответствие. Наступает своеобразная дилемма – с одной стороны? мы презираем Чужого, мы смеемся над его изощренными вкусами, но с другой стороны мы не прочь отведать блюда его кухни, и ничего удивительного в том, что очень часто они нам нравятся. В разные эпохи возникает своеобразный спрос на Чужого и его кухню – над ним можно смеяться, и, в то же время, есть его пищу. Это происходит из подсудного страха, так же как мы боимся, что он съест нашу пищу, мы стремимся заполнить его ресурсы – расширить свои запасы за счет его.

Список литературы

1. Гарсиласо де ла Вега. «История государства Инков». — Л., 1974
2. Гомер. Илиада. Одиссея. — М., 1967
3. Китайцы до сих пор едят младенцев. Ужасающий фоторепортаж. — Режим доступа: <http://old-church.net/store/kitaitsy-do-sikh-por-edyat-mladentsev-uzhasayushchii-fotoreportazh>, свободный. — Заглавие с экрана. — Яз. рус.
4. Леви-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. — М., 2006.
5. Махабхарата. Адипарва. Книга первая. — М., 1950.
6. Мо Янь. Страна вина. СПб., 2012
7. Особенности китайской кухни или как китайцы едят детей. — Режим доступа: <http://www.perunica.ru/politika/1144-osobennosti-kitajskoj-kuxni-ili-kak-kitajcy-edyat.html>, свободный. — Заглавие с экрана. — Яз. рус.
8. Романова А.П., Хлыщева Е.В., Якушенков С.Н., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. — М., 2013
9. Снова о младенцах, или подлинная история Чжу Юя. — Режим доступа <http://magazeta.com/2014/01/zhuu/>, свободный. — Заглавие с экрана. — Яз. рус.
10. Солин Г.Ю.. Собрание достопамятных сведений/Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I-XIV веков, под ред. И.Т.Касавина. — М., 1996.
11. Суп из младенцев. — Режим доступа: <http://magazeta.com/2011/10/sup-iz-mladentsev/>, свободный. — Заглавие с экрана. — Яз. рус.
12. Тацит К. Анналы. Малые произведения. История. — М., 2003.
13. Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. — М., 1890
14. Reichel-Dolmatoff G. Rainforest shamans. Guilford, 1997.

References

1. Garsilaso de la Vega. «Istorija gosudarstva Inkov». L., 1974
2. Gomer. Iliada. Odisseja. M., 1967
3. Kitajcy do sih por edjat mladencev. Uzhasajushhij fotoreportazh. Available at: <http://old-church.net/store/kitaitsy-do-sikh-por-edyat-mladentsev-uzhasayushchii-fotoreportazh>
4. Levi-Stros K. Mifologiki: Syroe i prigotovlennoe. M., 2006.
5. Mahabharata. Adiparva. Kniga pervaja. M., 1950.
6. Mo Jan'. Strana vina. SPb., 2012
7. Osobennosti kitajskoj kuhni ili kak kitajcy edjat detej. Available at: <http://www.perunica.ru/politika/1144-osobennosti-kitajskoj-kuxni-ili-kak-kitajcy-edyat.html>

8. Romanova A.P., Hlyshheva E.V., Jakushenkov S.N., Topchiev M.S. Chuzhoj i kul'turnaja bezopasnost'. – M., 2013
9. Snova o mladencah, ili podlinnaja istorija Chzhu Juja. Available at: <http://magazeta.com/2014/01/zhuyu/>
10. Solin G.Ju. Sobraanie dostopamjatnyh svedenij. Znanie za predelami nauki. Misticizm, germetizm, astrologija, alhimija, magija v intellektual'nyh tradi-cijah I-XIV vekov, pod red. I.T.Kasavina. M., 1996.
11. Sup iz mladencev. Available at: <http://magazeta.com/2011/10/sup-iz-mladentsev/>
12. Tacit K. Annaly. Malye proizvedenija. Istorija. M., 2003.
13. Titov A. Sibir' v XVII veke. Sbornik starinnyh russkih statej o Sibiri i prilježashhik k nej zemljah. M., 1890
14. Reichel-Dolmatoff G. Rainforest shamans. Guilford, 1997.

ТЕЛО "СУПЕРГЕРОЯ/СУПЕРЗЛОДЕЯ": КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДРУГОГО/ЧУЖОГО В АМЕРИКАНСКИХ КОМИКСАХ.

Алиев Растям Туктарович, аспирант, кафедра культурологии.

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Хааqan@mail.ru

Статья посвящена проблеме конструирования образа Другого/Чужого на примере героев американских комиксов. Повышенная популярность комиксов и аниме позволяет сделать вывод важности этого культурного явления, а выявление законов функционирования сюжетов и мотивов комиксов позволяет нам проследить ряд наиболее актуальных моментов современной массовой культуры. В комиксах как в зеркале в неприкрытой форме, подчас гротескно-упрощенной, отражаются все страхи, надежды и чаяния не только подрастающего поколения, но и огромного числа взрослых, которым не чужды данные направления культуры. В статье автор поднимает проблему понимания термина тело, телесность в разных их концептуальных интерпретациях, выделяет основные типы образов супергероев/суперзлодеев американских комиксов и проблему построения этих образов. Проведена классификация образов Чужого, выявлены различные типы – ксеноморфы, антропоморфы, териоморфы и т.д. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу, что конструирование тела супергероя/суперзлодея комиксов, как ярких образов Другого/Чужого, проходит все те же стадии, что и конструирование тела Другого/Чужого в историческом, культурном и социальном дискурсах.

Ключевые слова: Другой, Чужой, бинарность, культура, комикс, философия культуры, супергерой, суперзлодей, массмедиа, массовая культура, тело, телесность

SUPERHERO/SUPERVILLAIN BODY: CONSTRUCTION OF THE ALIEN'S IMAGE IN AMERICAN COMICS

Aliev Rastyam T., Post-graduate Student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: Хааqan@mail.ru

The article is devoted to constructing of the image of the Other / Alien on the example of American comics. Increased popularity of comics and anime shows us the importance of this cultural phenomenon, and the revealing of the rules of functioning of subjects and motifs in comics allows us to trace some of the most very urgent moments of modern mass culture. In the comics as in a mirror all the fears, hopes and aspirations reflect, and not only fears and hopes of the younger generation, but also a huge number of adults. The author raises the problem of understanding of the term body, corporeality in their various conceptual interpretations, identifies the main types of images of superheroes / supervillains of American